

В ночь на третье августа Чжана Дэнцина устроили в дальнем флигеле, на приличном расстоянии от покоев Гу Сяодуна. Уходя, он то и дело оглядывался назад, терзаемый страхом, что коварный Гу Цзиньюй воспользуется моментом и обведёт его младшего брата вокруг пальца.

Он попробовал завязать разговор со слугами во дворе Гу Цзиньюя, но те молчали как рыбы, оберегая покой хозяина словно железная стена. Дэнцину пришлось отступить несолоно хлебавши. Добравшись с тяжёлым сердцем до чужого, незнакомого флигеля, он твёрдо решил проснуться ни свет ни заря, чтобы провести Сяодуна. Затем мысли его перекинулись на завтрашний день — день рождения Гу Пинханя. Этот заносчивый тип наверняка по уши в предпраздничных хлопотах. К тому же здесь, в Западном саду процветания, всё подчинено строгому порядку, так что наследный княжич точно не пришлёт за ним глубокой ночью, требуя в очередной раз рассказывать сказки.

Подумав, что сегодня ему наконец удастся выспаться, он с облегчением потёр ладони и потянулся закрыть окно. Но стоило створкам почти сойтись, как чья-то рука мертвой хваткой вцепилась в раму и рванула его наружу. Дэнцин едва не взорвался от испуга: в первый миг ему показалось, будто в тщательно охраняемое поместье прокрались вездесущие враги его отца.

Но незваным гостем оказался личный тайный страж Гу Пинханя. Даже здесь, в кишасщем охраной Западном саду процветания, этот несносный наследный княжич упрямо гнул свою линию и тайком притащил его слушать байки.

Чжан Дэнцин лишь мысленно вздохнул — ну что за человек! Впрочем, находясь под чужой крышей, приходится склонять голову. Напустив на себя самый недовольный вид, он угрюмо подчинился, и страж, закинув его на спину, бесшумно понёсся сквозь темноту.

Обитель Гу Пинханя располагалась неподалеку от двора Гу Цзиньюя — такая же просторная, но до тошноты аскетичная и серая. В холодном свете осенней луны этот застывший двор походил на исполинский гроб из драгоценного черного дерева.

Дэнцина провели в кабинет. Наследный княжич сидел во главе стола, откинувшись с закрытыми глазами на спинку кресла. Было неясно, спит он или просто отдыхает. Даже погруженный в полузабытьё, он оставался ледяным — живое воплощение холодного долга, никогда не выдающего своих чувств. Однако Чжан Дэнцин почему-то отчётливо ощущал: этот человек выжат как лимон, усталость сквозит в каждой черточке лица.

Двери и окна затворились. Гу Пинхань открыл глаза и молча, бесстрастно уставился на вошедшего.

В воздухе витал тонкий шлейф алкоголя. Видимо, княжич перебрал на праздничных приемах, раз уж этот всегда державший спину прямо гордец сейчас буквально растёкся по креслу.

Видя, что Пинхань не спешит подавать голос, Дэнцин, уже привыкший к этой манере притворяться мертвецом, небрежно сложил ладони в приветствии и выдавил дежурные

поздравления:

— Поздравляю наследного княжича с наступающим днем рождения. Желаю блестяще сдать осенние экзамены в следующем месяце и поразить всех своим успехом.

— Подойди, — неторопливо обронил Гу Пинхань. — Расскажи, как празднуют дни рождения в простонародье?

Дэнцин лишь мысленно вздохнул, поражаясь его нездоровому любопытству, подошёл ближе и принялся не спеша перечислять забавные обычаи.

Гу Пинхань слушал на редкость внимательно, а затем спросил:

— А вы с Сяодуном? Как вы праздновали?

При упоминании брата настроение Дэнцина немного улучшилось:

— Да по-разному. Каждый год придумывали что-то новое, ни разу не повторились.

Выслушав его короткий рассказ, Гу Пинхань тихо вздохнул и обронил:

— А у меня всё без изменений. Из года в год одно и то же.

— Ну, вам, великому наследнику самого князя Чжэньбэя, грех равняться на простых смертных, — фыркнул Дэнцин. Подумав про себя, что у богачей вечно куча надуманных проблем, он решил не тратить время попусту. Демонстративно зевнув, он развернулся к выходу: — Уже поздно, господин наследный княжич. Не стоит засиживаться допоздна, у вас ведь завтра важный день. Пожалуй, пойду, не буду мешать вашему отдыху. До встречи.

Вдруг его запястье крепко перехватили. Дэнцин на миг опешил и инстинктивно попытался высвободиться, применив силу, но хватка лишь ожесточилась. Он резко обернулся: Гу Пинхань, только что безжизненно полулежавший в кресле, уже стоял на ногах, необъяснимым образом заблокировав его движения.

— Ты что творишь?

— ... Не знаю, — Гу Пинхань опустил взгляд на свои пальцы, сжимающие чужую руку, словно сам изумился собственному порыву. — Просто почувствовал, что не хочу отпускать тебя.

— Да ты болен!

Гу Пинхань покачал головой, затем кивнул. Он не только не разжал пальцев, но и с силой потянул Дэнцина на себя.

— Чжан Дэнцин.

— Чего тебе вообще от меня надо?

— Как насчет того, чтобы поменяться ролями? — проговорил Гу Пинхань, чей взгляд казался затуманенным, словно он бредил наяву. — Юньцзи когда-то говорил, что мечтает поменяться со мной местами. Тогда он хотел этого, а я нет. Но сейчас... мне безумно хочется на мгновение стать Дэнцином. Забирай статус Гу Пинханя, побудь им немного. Идет?

У Чжана Дэнцина не нашлось слов. Не то чтобы он не понимал скрытых мотивов этого капризного господина, просто вся эта затея казалась ему невероятно хлопотной и глупой.

После гнетущей паузы Гу Пинхань снова заговорил:

— Одна ночь нашего обмена — взамен на месяц безопасности для Гу Сяодуна. Я лично прослежу за ним.

Дэнцин округлил глаза:

— Ты шутишь?! Какая невиданная скупость! Меньше чем на год я даже разговаривать не стану!

— Две недели, — холодно отозвался княжич.

— Слышь, ты ещё и торгуешься, ублюдок?!

— Десять дней, — безжалостно урезал Пинхань.

— Да чтоб тебя черти драли! Ладно, ладно, по рукам!

Чжан Дэнцин едва не задыхался от злости. С самого детства он крутился среди торговцев и повидал немало хитрых дельцов, но этот холёный господин умудрился обобрать его с особой наглостью.

Это была простая, почти детская игра. Они поменялись местами: Чжан Дэнцин с важным видом уселся во главе стола, а Гу Пинхань, заложив руки в рукава, послушно замер подле него. Стоит признать, фальшивый наследный княжич держался весьма величественно, да и фальшивый слуга вошёл в образ на удивление гармонично.

Напряжение на лице Гу Пинханя постепенно растаяло. Он едва заметно улыбнулся и тихо, пробуя незнакомые слова на вкус, повторил грубое просторечие:

— «Черти драли»...

Дэнцин молча созерцал эту картину, не зная, смеяться ему или плакать. Наследный княжич развлекался, примеряя на себя роль нищего простолюдина, в то время как Гу Сяодун в Восточном лесном саду из последних сил карабкался вверх по сословной лестнице. Пути людей причудливы и непостижимы. Истинно говорят: на одном берегу реки растет сладкий мандарин, а на другом — лишь горький дичок.

Пинхань, казалось, упивался этой мимолётной свободой, но даже его бунт был тихим и скованным. Проведя ладонью по подставке для кистей, он вытянул одну из них. Раздался сухой, отчётливый треск — и драгоценная кисть из волчьего ворса, стоившая целое состояние, переломилась пополам.

Чжан Дэнцин равнодушно наблюдал, как этот безумец крушит дорогие письменные принадлежности, мысленно окрестив его неблагодарным транжирой. Вдруг Гу Пинхань шагнул вперед и легко, безболезненно похлопал его по щеке.

Схватив ни за что пощёчину, пусть и чисто символическую, Дэнцин уже собирался вскипеть и высказать всё, что думает, как вдруг княжич низко склонился над ним.

— Я знаю, что Чжан Дэнцин до смерти хочет избить Гу Пинханя, чтобы выпустить пар, — прошептал он. — Но Гу Пинхань сейчас... хочет лишь одного: обнять Чжана Дэньцина.

Прежде чем Дэнцин успел хоть что-то сообразить, его крепко, до хруста в ребрах, заключили в объятия.

Он по-прежнему восседал в кресле хозяина дома, а наследный княжич преклонил перед ним колени, отчаянно цепляясь за него, словно за спасательный круг.

Безумный стук их сердец сливался в один неровный ритм, пока тяжёлая дверь кабинета внезапно не распахнулась настежь, заставив их замереть в унисон.

В комнату неторопливой, властной поступью вошёл сам князь Чжэньбэй — Гу Янь.

Следом за ним, подобно безмолвной тени, скользнул управляющий Чжу Ми. Едва бросив взгляд на представшую картину, он с глухим стуком рухнул на колени прямо у ног своего повелителя:

— Прошу пощады, Ваше Высочество! Это моя оплошность, мой недосмотр! Я не уследил за порядком, позволив гнусному проходимцу пробраться в поместье и совратить наследного

княжича! Молю вас, накажите меня по всей строгости!

В голове Чжана Дэнцина точно разорвался пороховой снаряд. Вскипев от ярости, он открыл было рот, чтобы высказать всё этой подлизывающейся твари, но Пинхань мгновенно зажал ему губы ладонью.

Тёплый блеск, мгновение назад теплившийся в глазах наследного княжича, бесследно исчез, уступив место привычному мёртвому штилю. С абсолютным хладнокровием и решимостью он беззвучно, одними губами произнес:

«Верь мне».

Гу Сяодун провёл все утро в томительном, изнуряющем ожидании. Лишь к полудню в дверях наконец показался Гу Цзиньюй. Сяодун мгновенно вскочил и бросился к нему навстречу, бледный как полотно, с замирающим от ужаса сердцем:

— Где мой брат?! Где Дэнцин?!

Гу Цзиньюй мягко, но настойчиво усадил его обратно в кресло и ласково сжал его ладони — хрупкие и беззащитные, словно два пушистых облака:

— Сяодун, тише. Послушай меня.

Напустив на себя озабоченный и виноватый вид, он искусно переплёл правду с ложью, опутывая разум младшего брата липкой паутиной:

— Помнишь, я предупреждал тебя вчера, что в нашем поместье остановились важные гости из императорской семьи? Твой названный брат ночью самовольно покинул флигель и по чистой случайности натолкнулся в саду на второго принца...

— Нет, этого не может быть! — Гу Сяодун отчаянно замотал головой, пытаясь высвободить руки. — Он не глупец, зачем бы ему блуждать по саду посреди ночи?!

— Он сделал это ради тебя, — тихо прошептал Гу Цзиньюй, склоняясь к самому его уху. Сяодун мгновенно задеревенел. — Ты так отчаянно пытаешься прижиться в семье Гу, и твой брат, видя это, извёлся от беспокойства. Выпал редкий шанс побывать в Западном саду процветания, и он, должно быть, просто хотел разузнать для тебя побольше полезного. Кто же знал, что он столкнется со вторым принцем?

Сяодун оцепенел, из его глаз хлынули слезы:

— Что... что значит столкнулся? Его избили? Он ранен?!

— Напротив, это он избил второго принца. Ведь твой брат владеет боевыми искусствами, не так ли? — вкрадчиво проговорил Цзиньюй. — Второй принц, Гао Минцянь — человек до крайности высокомерный, мстительный и неразборчивый в своих плотских аппетитах, его прельщают как женщины, так и миловидные юноши. Должно быть, он позволил себе лишнее, а твой вспыльчивый брат, не зная, кто перед ним, решил проучить наглеца. В мире рек и озёр, откуда вы родом, подобная потасовка — пустяк. Но здесь, под крышей княжеского дома, законы иные. Власть государя священна, а иерархия незыблема. Твой брат поддался порыву, но за его минутную дерзость теперь придётся расплачиваться всему нашему клану.

— И... что же теперь делать? — задрожал всем телом Гу Сяодун.

— Второй принц требовал одного из двух: либо засечь его до смерти палками, либо оскопить и сделать дворцовым евнухом.

Сяодун шумно хватнул ртом воздух, и в глазах его потемнело — он едва не лишился чувств.

— Не бойся, твоего брата никто не тронул, — поспешил успокоить его Гу Цзиньюй, бережно придерживая за плечи. — Наша семья сумела предложить принцу компромисс. Помня о том, что Чжан Дэнцин вырос вместе с тобой, отец проявил милосердие. Смертную казнь заменили ссылкой в действующую армию.

На самом деле засечь наглеца насмерть предложил сам князь Гу Янь, а ссылку в армию с боем вырвал Гу Пинхань. Но Гу Цзиньюй прекрасно понимал истинное положение вещей. Рано или поздно Гу Янь всё равно избавился бы от Чжана Дэнцина. И дело было даже не в ночном происшествии. Князь либо прихлопнул бы назойливого слугу как насекомое, либо заставил бы самого Гу Сяодуна обагрить руки его кровью в качестве последнего испытания.

С того самого момента, как князь позволил Сяодуну переступить порог поместья, он видел в нём лишь полезное орудие. А всякое орудие нуждается в тщательной заточке и калибровке, особенно если оно успело напитаться пагубным духом свободы и уличной грязью. Чтобы заставить Гу Сяодуна беспрекословно подчиняться, нужно было лишить его последней опоры. Чжан Дэнцин был обречен с самого начала — это оставалось лишь вопросом времени.

Нынешний исход оказался на редкость удачным для самого Гу Цзиньюя: Чжан Дэнцин отделался лёгким испугом, Гу Пинхань лишился расположения отца, а все ниточки контроля над сломленным Сяодуном стянулись в его собственных руках.

— В какую армию? — прошептал Сяодун севшим голосом.

— Глупенький, — нежно погладил его по щеке Гу Цзиньюй. — Разумеется, в наше, княжеское войско. Но поскольку он умудрился насолить самому принцу, нам пришлось отослать его как можно дальше от столицы.

Гу Сяодун судорожно вздохнул, и новые слезы покатались по его бледным щекам:

— Всего одна ночь... Как всё могло так обернуться? Неужели ему действительно нужно уехать? Неужели этот принц настолько всемогущ? Раз уж ничего нельзя исправить... когда он отправляется? Я должен увидеть его! Проводить...

— Его уже увезли. Буквально только что, — мягко прервал его Цзиньюй.

Сяодун замер на полуслове, непонимающе уставившись на брата.

— Чжана Дэнцина отправили в путь без лишней огласки. Но ты не волнуйся, я приставил к нему Догоревшего фитиля. Как только брат прибудет на место и устроится, он непременно пришлёт тебе весточку.

Тело Сяодуна пробила крупная дрожь. Внезапно он рванулся с места и, словно безумный, бросился к выходу.

Но Гу Цзиньюй легким движением перехватил его поперек талии, крепко прижал к себе со спины и тихо зашептал на ухо:

— Ну всё, всё, успокойся. Ничего страшного не случилось. Да, твой названный брат уехал, но ведь у тебя остался я — твоя плоть и кровь. Не плачь, Сяодун. Я всегда буду рядом.

Сяодун отчаянно вырывался, пока силы окончательно не покинули его. Ноги подогнулись, и он безвольно рухнул бы на пол, если бы Цзиньюй вовремя не подхватил его, усадив к себе на колени и принимаясь баюкать как маленького ребенка.

Совершенно убитый горем юноша уткнулся ему в плечо, безутешно всхлипывая:

— Почему нас разлучили?.. Я не смогу без него. Пожалуйста,пусти меня тоже в армию, я хочу быть с ним...

Гу Цзиньюй ласково гладил его по спине. В душе его пели птицы от невыразимого торжества, хотя голос его звучал искренне и печально:

— Ну как отец и матушка могут отпустить тебя? Ты ведь их драгоценный, чудом обретённый сын. Что же до Чжана Дэнцина... военная служба — вовсе не худшая доля для него. Неужели ты хотел, чтобы он до конца дней ходил в простых слугах? Он обучен боевым искусствам и вполне может прославиться на поле боя, заслужить чины и славу.

Ложь лилась из его уст сладостным нектаром, он уже виртуозно научился управлять чувствами своего хрупкого пленника:

— Помнишь, на Праздник Середины года ты просил меня помочь тебе с учебой, чтобы скорее освоиться в поместье? Тебе нужно лишь усердно заниматься и показать себя с лучшей стороны. Когда завоюешь доверие отца, ты сможешь попросить его вернуть твоего брата обратно. И тогда вы снова будете вместе.

Сяодун долго не мог унять слезы, но постепенно его дыхание выровнялось. С надеждой посмотрев на брата, он тихо спросил:

— Что... что я должен делать?

Гу Цзиньюй бережно огладил его худые плечи. В этот миг в его памяти отчетливо зазвучали слова, которыми когда-то князь Чжэньбэй и госпожа Ань намертво выжгли в его собственном разуме первую заповедь выживания под этой крышей:

«Пред очами отца и матери покорность и робость — твои единственные добродетели».

Поэтому забудь о своем былом простодушии. Впусти в себя этот мрак.

И давай утонем в нем вместе.

<http://bllate.org/book/20609/2131323>